

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2025. Том 29, № 4
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 81'42

ББК 81.2

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-4-67-75>

ПРАГМАСЕМАТИКА ИРОНИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Мария Игоревна Кудрявцева, Зинаида Владимировна Режук

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Анализируется ирония в художественном постмодернистском дискурсе с прагмасемантической точки зрения на примере рассказов С. Довлатова 1970–1990-х гг. Выявлены лингвистические маркеры иронии, показано, что постмодернистская ирония — не просто троп, а контекстуальная, текстообразующая стратегия, задающая многоуровневость интерпретации. Семантика иронии основана на имплицитности смыслов при сохранении возможности распознавания адресатом. Лингвистические механизмы включают контекстуальное употребление лексики, языковую игру и деструкцию фразеологических и синтаксических моделей, ориентированные на прагматическое воздействие и отражающие авторскую стратегию разоблачения рациональности.

Ключевые слова: прагматика, семантика, контекстуальная ирония, художественный дискурс, постмодернизм, С. Довлатов

Для цитирования: Кудрявцева М. И., Режук З. В. Прагмасемантика иронии в художественном дискурсе постмодернизма // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2025. Т. 29, № 4. С. 67–75. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-4-67-75>

Original article

PRAGMATICS AND SEMANTICS OF IRONY IN LITERARY DISCOURSE OF POSTMODERN

Maria I. Kudryavtseva, Zhinaida V. Rezhuk

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article examines irony, realized in artistic postmodernist discourse, in the pragmasemantic aspect. In the texts of S.D. Dovlatov's stories of the 1970s-1990s, linguistic markers of irony are identified, as a result of which it is determined that postmodernist irony is not exclusively a trope formed and functioning within a lexical combination or a single statement. Irony becomes contextual, representing a text-forming strategy, setting the coordinates of the polyvariability of text interpretation. The semantics of irony is based on the implicitness of meanings, but at the same time it retains the possibility of correct decoding by the addressee. The linguistic mechanisms of irony - contextual use of lexical units and lexical combinations, the result of which is the generation of conflicting meanings, language play with grammatical forms and syntactic constructions, the destruction of stable connections of components of phraseological combinations and syntactic models - are oriented towards a pragmatic impact on the reader, however, the author's communicative strategy is oriented not towards the search for truth, but towards exposing rationality and attempting to prove the decentering of the world as such.

Key words: *pragmatics, semantics, contextual irony, literary discourse, postmodernism, S. Dovatov*

For citation: Kudryavtseva, M. I. and Rezhuk, Zh. V. (2025). Pragmatics and semantics of irony in literary discourse of postmodern. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 29, no. 4, pp. 67-75. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-4-67-75>

Введение

Изучение прагматического воздействия художественных смыслов и рассмотрение семантического пространства художественного дискурса как системного образования представляют собой актуальную сферу в развитии современной лингвистики. Особый интерес вызывают в этой связи концепции диалогического взаимодействия автора и читателя, которое осуществляется посредством художественного текста, вследствие чего и формируется художественный дискурс. Такая направленность лингвистических научных изысканий возникает под прямым влиянием постулатов, выдвинутых М. М. Бахтиным [Бахтин, 1986] и развиваемых представителями философии постструктурализма [Деррида, 2000; Эко, 2002]. В отечественной лингвистике изучение художественного тексто-дискурсивного пространства порождает новые плодотворные идеи, позволяющие рассматривать на основании применения лингвистического теоретико-методологического инструментария художественный текст и художественный дискурс как сложные лингвоэстетические феномены [Бабенко, Казарин, 2004; Дымарский, 2006; Кузнецова, 2023; Успенский, 2000; Фещенко, Коваль, 2014; Шестак, 2011]. Подчеркнем, что постмодернистский художественный дискурс становится одним из центральных предметов исследования, позволяющих выявить и описать многообразные проявления речемыслительной деятельности автора и рецептивно-интерпретативной деятельности читателя.

Целью данной статьи является анализ функционирования иронии в художественном дискурсе постмодернизма, определение коммуникативных стратегий автора, с помощью которых формируются иронические высказывания, а также исследование роли иронии как средства отражения децентрализованного, неопределённого и множественного характера объективной действительности в постмодернистском тексте. Показано, как ирония в постмодернистском дискурсе выступает инструментом языковой игры и деконструкции традиционных смыслов, открывая возможности для поливариативных интерпретаций и активного взаимодействия автора и читателя.

Методы исследования комплексно применялись к материалу исследования – текстам рассказов С. Д. Довлатова 1970–1990-х гг. [Довлатов, 2000]. Такой подход обусловлен сложностью объекта и предмета исследования, и поэтому художественный дискурс рассматривается в нашем исследовании с позиций типологического и сравнительно-сопоставительного методов. Немаловажное значение имеют методы наблюдения и лингвистического моделирования. Основным методом выступает прагмасемантический анализ, позволяющий воспринимать в синтезе семантику различных дискурсивных фрагментов и прагматику их воздействия на читателя.

Исследование и его результаты

Постмодернизм провозглашает отказ от каких бы то ни было представлений о структуре, о рационально полагаемых координатах пространственной среды и семантического пространства, что лишает их понятийного центра. Очевидно, что такое понимание мира влечет за собой и представление о тексте как новой текстуре из старых цитат. При этом неограниченная свобода автора

с целью продуцирования художественных смыслов реализуется за счет языковых игр с культурными кодами как следствия индифферентности к восприятию и пониманию адресатом дискурсивных практик не только и не столько самих смыслов, сколько интерпретации иронии автора, его нежелания фокусироваться на чем-то, что может быть гипотетически объявлено единственно верным. Преодолевая невозможность выбора, постулируемую в романтизме, и заменяя ее пониманием относительности и неокончателности языка и дискурса, постмодернизм приобретает возможность поливариативности коммуникативных стратегий и становится открытым в коммуникативном отношении.

Ясно, что ирония занимает в художественном дискурсе постмодернизма центральное место, потому что именно она задает возможность поливариативности прочтения текста и его интерпретации, что тесно связывает саму иронию, интертекстуальность и интердискурсивность. Скрытый смысл, составляющий семантическую сущность иронии, приобретает характеристики культурного кода, при этом ирония сохраняет возможность восприятия, узнавания, корректного декодирования адресатом с целью косвенного выражения подлинного смысла. Истина для постмодерна не является чем-то целостным и неизменным, так как она представляет собой результат субъективного опыта и поисков человека, никогда не имеющего доступа к абсолютной объективности. Для постмодернистского художественного дискурса наиболее важна ирония не как способ постижения истины, но как возможность внешней игры, в том числе и языковой, для продуцирования видимости, мнимости за счет внешних иронических маркеров.

Безусловно, ирония в художественном дискурсе должна рассматриваться как прагмасемантическое явление [Ермакова, 2011], что обусловлено ее направленностью на адресата, его фоновые знания и понимание ситуативного контекста, в котором возникает и функционирует ироническое высказывание. Поэтому декодирование иронического высказывания должно происходить в параметрах коммуникативной ситуации, среди которых «значимыми являются тип отношений между коммуникантами, их фоновые знания, особенности ситуации общения, его прагматическая цель, а также статусные, гендерные и возрастные особенности коммуникантов» [Шкицкая, 2019, с. 47].

Ирония характеризуется в художественном дискурсе проявлением на различных уровнях, поэтому традиционно выделяют лексико-семантические, структурные и стилистические средства выражения иронии. Однако анализ конкретных художественных текстов эпохи постмодерна свидетельствует, что выделить изолированно такие средства уже не представляется возможным: ирония перестает быть тропом, функционирующим на уровне лексических сочетаний или отдельных предложений, напротив, она становится контекстуальной, определяющей целостного тексто-дискурсивного пространства. Так, ирония в текстовом фрагменте из рассказа Довлатова «Жизнь коротка» определяется со- и противопоставлением семантики высказываний и градационного представления, фиксируемого во втором высказывании, — *собственный домик, поездки в Европу, разговоры о налогах: «Затем стремительное восхождение мужа — его неожиданно пригласила фирма „Эксон“. А значит, собственный домик, поездки в Европу, разговоры о налогах...»* [Довлатов, 2000, т. 1, с. 222]. Отметим в этой связи, что ирония формируется за счет имплицитного сопоставления жизни в Советском Союзе и Европе: для советского человека не только разговоры о налогах, но и сами налоги — понятие, соотносимое с какой-то нереальной жизнью, тем более что основная часть населения работает в

государственном секторе, где налоговые отчисления автоматически производятся из заработной платы. По всей видимости, дополнительные семантические оттенки иронии возникают на основе непонимания персонажами того, что налоги для Европы — не только разговоры, но и весьма ощутимые суммы, которые необходимо вовремя оплачивать.

Ирония реализуется через сознательную игру с контрастами, эвфемизацию и градацию смыслов, а также через деконструкцию традиционных ожиданий и представлений о семье: *«Я ведь рос полноценным молодым человеком. У меня был комплект любящих родителей. Правда, они вскоре разошлись. Но развод мало повредил их отношениям со мной. Более того, развод мало повредил их отношениям друг с другом. В том смысле, что отношения и до развода были неважными»* [Довлатов, 2000, т. 1, с. 222]. Начало высказывания строится на позитивных утверждениях *полноценным молодым человеком, комплект любящих родителей*, что создает установку на благоприятное восприятие. Далее следует резкий сдвиг: родители *вскоре разошлись*, и утверждается, что развод *мало повредил* отношениям — сначала с сыном, а потом между собой, но при этом отношения *и до развода были неважными*. Такой ход создает неожиданный поворот, основанный на скрытом конфликте между словами и реальностью. Использование формулировок *мало повредил* и *в том смысле* указывает на нарочитое смягчение, эвфемизацию проблемных отношений. Фраза *комплект любящих родителей* звучит чересчур формально и даже комично в контексте последующего признания развода и плохих отношений, что усиливает эффект иронии. Автор высказывания играет со стереотипами о счастливой семье и показывает, что внешние позитивные формулировки могут скрывать реальную децентрацию и разложение отношений — типичную для постмодернистского подхода к описанию действительности как неоднозначной и множественной. Читатель вовлекается в процесс декодирования этого иронического сообщения, сталкиваясь с парадоксом — официально позитивная формулировка и реально тяжелая ситуация не совпадают, что позволяет читателю самостоятельно реконструировать подлинный смысл, согласно методологическому акценту статьи.

В художественном дискурсе постмодернизма ирония радикальна, потому что она опирается не на философские основания, а на отказ от них, деконструкцию иронического дискурса, поэтому основными лингвистическими механизмами иронии остаются контекстуальные употребления лексических единиц и сочетаний, следствием чего выступает порождение конфликтующих смыслов, а также языковая игра, включая игру с грамматическими формами и синтаксическими конструкциями. Так происходит потому, что ирония в постмодернистском дискурсе направлена на то, чтобы подвергнуть деструкции сам язык, разоблачить его, выразить радикальный скепсис. Например: *«Он продавал дома, квартиры, земельные участки. Дела у него шли замечательно. Он был прирожденным торговым агентом. Представителем чужих интересов. То есть человеком без индивидуальности»* [Довлатов, 2000, т. 1, с. 203]. В приведенном фрагменте автор выстраивает иронические высказывания, используя градацию однородных членов и парцелляции: *дома, квартиры, земельные участки — прирожденным торговым агентом, представителем чужих интересов, человеком без индивидуальности*. Безусловно, иронический подтекст возникает за счет применения не только этих риторических средств, но и стилистических штампов, трансформирующих регистры повествования от позитивного к скрыто негативному (*представителем чужих интересов — человеком без индивидуальности*). Кроме того, постмодернистская ирония

часто содержит метатекстуальные признаки, обращаясь к разнообразным культурным кодам и цитатам, которые можно интерпретировать по-разному. Такой подход позволяет создавать многослойность смысла, где каждый читатель вынужден самостоятельно интерпретировать иронический подтекст, тем самым становясь активным участником смыслового процесса. Языковая игра и деконструкция при этом служат не только средством художественного самовыражения, но и критикой традиционных форм мышления, социальных конструктов и даже самого акта коммуникации. Радикальная ирония постмодернизма — это инструмент парадоксального мышления, разрушающий однозначность и логическую завершенность текста, воспроизводя фрагментарность и многообразие человеческого опыта.

Сам процесс понимания художественного текста постмодернизма подменяется необходимостью узнавания, восприятия и интерпретации, зачастую поливариативной. В любом случае, рассматривая любой текст как результат отсылки к ранее существовавшим, мы не можем игнорировать необходимость декодирования интертекстуальности, при этом само акцентирование интертекстуальности в качестве основного текстопорождающего фактора обуславливает невозможность репрезентации реальности посредством языка, а значит, постмодернистский дискурс обнаруживает вполне осознанный отказ от смысла с целью утверждения идеи условности и относительности понятий. Например, во фрагменте из рассказа С. Довлатова «Мы и гинеколог Буданицкий»: «— *Ладно*, — сказал писатель, — *дело ваше. И, сославшись на хозяйственные заботы, ушел. В тоске и печали направился к озеру*» [Довлатов, 2000, т. 3, с. 453] прагмасемантика иронии формируется за счет сопоставления прямой речи персонажа, описания его действий и эмоционального состояния. Вполне обыденное высказывание, не имеющее эмоциональной насыщенности «*ладно ... дело ваше*» противопоставлено действиям, имеющим мотивацию, не раскрываемую во внешней речи (*сославшись на хозяйственные заботы — ушел*). А последняя фраза в приведенном фрагменте отсылает не только к устойчивому фразеологизму, фиксируемому в русской картине мира, но и к высказыванию из Степенной книги первого Земского собора 1549 г.: «*На двадцатом году возраста своего, видя государство в великой тоске и печали от насилия сильных и от неправд, умыслил царь привести всех в любовь*» [Книга степенная царского родословия, 1908, 1913], откуда, видимо, это выражение и заимствовано, а затем и фразеологизировано.

Важным для понимания функционирования иронии в постмодернистском дискурсе стоит считать и понятие диалогичности, закономерно акцентирующее внимание не только на диалогах как таковых, но и на диалогических ситуациях, в поле которых возникает и функционирует единый контекстуальный ресурс, разделяемый коммуникантами. При этом, основывая свои рассуждения на понимании диалогичности в концепции М. М. Бахтина, мы вправе мыслить и художественный дискурс как последовательное разворачивание различных типов контекстов в познавательном и эмоциональном плане, составляющих в единстве с мнемическим уровнем фундамент понимания смыслов. И, поскольку речь идет о коммуникативных ситуациях, логично предположить и важную роль ситуативных интерпретаций, выходящих за рамки лингвистической структуры дискурса, что М. Мерло-Понти именуется сущностной неполнотой и аллюзивностью языка (*essential incompleteness*) [Цит. по: Linnel, 1998, p. 134]. Очевидно, высказывание транслирует информацию в художественном дискурсе не столько посредством слов, сколько помимо них,

например: « — *Мы знакомы три года. Отношения между нами чисто патологические...*

— *Платонические, — равнодушно исправил Григорий Борисович.*

— *Вот именно. Он гинеколог. Пошлостей ему и на работе хватает. Поэтому главное для него — чувство...»* [Довлатов, 2000, т. 3, с. 453–454].

Представляется, что ирония в приведенном фрагменте возникает за счет невовлеченности в диалог одного из его участников, на что указывает лексема *равнодушно*. Григорий Борисович *равнодушно* исправляет свою собеседницу и потому, что делает это по привычке: он постоянно правит свои тексты, так как является писателем. Контекстуальная ирония организует этот фрагмент на основании несовпадения совокупности фоновых знаний участников описываемого диалога: героиня вообще не обращает внимания на то, как именно исправил ее Григорий Борисович, только машинально соглашаясь с ним (*ВОТ ИМЕННО*).

Для постмодернистского художественного дискурса приоритетной текстообразующей стратегией выступает поглощение любых других текстовых традиций, что не может придавать этому дискурсу языковой целостности — напротив, основной целью становится создание речевого коллажа, содержащего пародийные, а не только иронические компоненты. По мнению И. Хасана, такой дискурс антидискурсивен, так как «преобразует гротеск, фантастику в текстовые антиформы, несущие в себе заряд насилия, безумия и апокалиптичности и превращающие космос в хаос» [Hassan, 1987, p. 17]. Такая внесистемность в художественном дискурсе С. Довлатова не приводит, конечно, к апокалиптичности и хаосу, но иллюзорность любого порядка раскрывает весьма полно, а внесистемность, вербализуемая посредством сопоставления несопоставимого, влечет за собой организацию иронических контекстов, например: «*Разрешите у вас неделю жить и хотя бы мимоходом питаться*» [Довлатов, 2000, т. 1, с. 57]. Понятно, что *мимоходом питаться* — это эвфемизм, позволяющий герою смягчить свою некорректную просьбу, которая в начале высказывания вербализована лексическим сочетанием *неделю жить* (речь в рассказе «Чирков и Берендеев» идет о неблагополучном дальнем родственнике отставного полковника, который неожиданно и, конечно, некстати возникает в его жизни).

Нарушение сочетаемости лексем, деконструкция дискурса, проявляющаяся в том числе и в разрушении устойчивости связей компонентов фразеологических сочетаний и синтаксических моделей, свидетельствует, что писатель-постмодернист намеренно отказывается от языковых правил, а его авторский замысел состоит прежде всего в том, чтобы сформулировать правила пока еще формирующегося текста. Иными словами, постмодернистский дискурс — это речевое событие, а не языковой результат, «современный дискурс должен не поставлять реальность, а изобретать намеки на то мыслимое, которое не может быть представлено» [Лиотар, 1998, с. 37]. Ирония в постмодернистском дискурсе направлена на акцентирование становящегося характера объективной действительности, ее дезорганизованность и децентрацию, неопределенность.

Современная лингвистика рассматривает постмодернистский художественный дискурс как процесс создания и пересоздания новых смыслов, возникающих в результате диалогического взаимодействия посредством текста автора и читателя. При этом автор рассчитывает на то, что читатель станет наполнять текст своим пониманием объективной действительности, но для этого адресат постмодернистского дискурса должен обладать необходимым

объемом фоновых знаний, в том числе и таких, которые позволили бы ему корректно декодировать интертекстуальные компоненты дискурса. Изучение постмодернистского художественного дискурса сопряжено не только с выяснением совокупности художественных смыслов, но и с установлением авторских коммуникативных стратегий, направленных на реализацию прагматического воздействия на читателя.

Заключение

Семантическая сущность иронии организована при опоре на имплицатуры, что обуславливает необходимость декодирования ее адресатом для установления подлинного смысла. Постмодернизм утверждает не отсутствие истины как таковой, а невозможность целостности и неизменности по причине ее субъективной природы, укорененной в опыте и поисках человека, который никогда не будет иметь доступа к абсолютной объективности. Ирония в этой связи не является способом постижения истины, напротив, она выступает основой для функционирования игры, в том числе и языковой, что и позволяет характеризовать художественный дискурс постмодернизма в целом как дискурс иронический.

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам. Коммуникативные стратегии автора постмодернистского дискурса направлены на активизацию фоновых знаний адресата, его понимание ситуативного контекста, обеспечивающего формирование и функционирование иронического высказывания. Для декодирования иронического высказывания определяющее значение имеют характеристики коммуникативной ситуации и самих коммуникантов. Для постмодернистского художественного дискурса ирония — одно из важных средств объективации децентрализованного характера действительности, ее неопределенности. Постмодернистский дискурс выступает процессом создания и рекомбинации новых смыслов, возникающих в результате диалога автора и читателя через текст. Автор вправе надеяться на то, что читатель станет активным участником творческого процесса, однако для этого ирония как интеллектуальная провокация должна достичь своей цели. Корректное декодирование иронических имплицатур возможно только при условии обладания необходимым для этого объемом фоновых знаний, в том числе и тех, которые участвуют в распознавании и интерпретации интертекстуальности. Очевидно, что прагматика иронии может быть адекватно описана только в процессе выяснения специфики авторских коммуникативных стратегий.

Список источников

Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста: теория и практика. 2-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2004. 495 с.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с.

Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.

Довлатов С. Собр. соч. : в 4 т. / сост. А.Ю. Арьев. СПб.: Азбука, 2000. Т. 1. 400 с. Т. 3. 464 с.

Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Эдиториал УРСС, 2006. 328 с.

Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2011. 201 с.

- Кузнецова А. В. Художественный текст в аспекте лингвопоэтики. Ростов н/Д; Таганрог: Южный фед. ун-т, 2023. 230 с. <https://doi.org/10.18522/801304288>
- Лютар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетей, 1998. 160 с.
- Книга степенная царского родословия // Полн. собр. русских летописей. Т. 21, ч. 1–2. СПб., 1908, 1913.
- Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.
- Фещенко В. В., Коваль О. В. Сотворение знака: очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М.: Языки славянской культуры, 2014. 640 с.
- Шестак Л. А. Когнитивная теория текста // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб. науч. тр. / сост. И. Г. Паршина, Е. Г. Озерова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. С. 328–334.
- Шкицкая И. Ю. Феномен иронии и ее функции в манипулятивном дискурсе // Вестн. Томского гос. ун-та. 2019. № 440. С. 45–52. <https://doi.org/10.17223/15617793/440/6>
- Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах / пер. с англ. А. Глебовской. СПб.: Symposium, 2002. 283 с.
- Hassan I. The Postmodern Turn: Essays in Postmodern Theory and Culture. Athens: Ohio University Press, 1987. 345 p.
- Linnel P. Contexts in discourse and discourse in contexts // *Approaching Dialogue: Talk, interaction and contexts in dialogical perspectives*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1998. P. 127–158.

References

- Babenko, L. G. and Kazarin, Yu. V. (2004). *Linguistic analysis of fiction: theory and practice*. 2nd ed. Moscow, FLINTA, Science, 495 p. (In Russian).
- Bakhtin, M.M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow, Art, 444 p. (In Russian).
- Derrida, J. (2000). *On grammatology*. Transl. from French and introduction by N. Avtonomova. Moscow, Ad Marginem, 511 p. (In Russian).
- Dovlatov, S. (2000). *Collected works*. in 4 vols. A.Yu. Ariev (comp.). St. Petersburg, Alphabet, vol. 1, 400 p., vol. 3, 464 p. (In Russian).
- Dymarsky, M. Ya. (2006). *Problems of text formation and fiction (based on Russian prose of the 19th-20th centuries)*. 2nd ed., corr. and add. Moscow, Editorial URSS, 328 p. (In Russian).
- Eco, U. (2002). *Six walks in the literary forests*. Transl. from English by A. Glebovskaya. St. Petersburg, Symposium, 283 p. (In Russian).
- Ermakova, O. P. (2011). *Irony and its role in the life of language*. 2nd ed., reprinted. Moscow, FLINTA, 201 p. (In Russian).
- Feshchenko, V. V. and Koval, O. V. (2014). *Creation of a sign: essays on the linguoesthetics and semiotics of art*. Moscow, Languages of Slavic Culture, 640 p. (In Russian).
- Hassan, I. (1987). *The Postmodern Turn: Essays on Postmodern Theory and Culture*. Athens, Ohio University Press, 345 p.
- Kuznetsova, A. V. (2023). *Literary text in the aspect of lingvopoetics*. Rostov-on-Don, Taganrog, Southern Federal University, 230 p. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/801304288>
- Linnel, P. (1998). Contexts in discourse and discourse in contexts. *Approaching dialogue: Talk, interaction and contexts in dialogical perspectives*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing, pp. 127-158.
- Lytard, J.-F. (2000). *The state of postmodernism*. St. Petersburg, Alethea, 160 p. (In Russian).
- Shestak, L. A. (2011). Cognitive theory of text. *Cognitive-pragmatic vectors of modern linguistics*. Collection of scientific papers. I.G. Parshina, E.G. Ozerova (comp.). Moscow, FLINTA, Science, pp. 328-334. (In Russian).

Shkitskaya, I. Yu. (2019). The phenomenon of irony and its functions in manipulative discourse. *Bulletin of Tomsk State University*, no. 440, pp. 45-52. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/440/6>

The Book of Royal Degrees (1908, 1913). *Complete collection of Russian chronicles*. St. Petersburg, vol. 21, parts 1-2. (In Russian).

Uspensky, B. A. (2000). *Poetics of composition*. St. Petersburg, Alphabet, 352 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Кудрявцева Мария Игоревна — канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований, mia@sfedu.ru

Режук Зинаида Владимировна — канд. филол. наук, доцент, и. о. завкафедрой русского языка как иностранного и методики его преподавания Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований, zvrezhuk@sfedu.ru

Information about the Authors

Maria I. Kudryavtseva — Ph.D. in Philology, associate professor, associate professor of the Department of Russian as a Foreign Language and Teaching Methodology, International Institute of Interdisciplinary Education and Ibero-American Studies, mia@sfedu.ru

Zhinaida V. Rezhuk — Ph.D. in Philology, associate professor, acting head of the Department of Russian as a Foreign Language and Teaching Methodology, International Institute of Interdisciplinary Education and Ibero-American Studies, zvrezhuk@sfedu.ru

Статья поступила в редакцию 27.08.2025; одобрена после рецензирования 18.09.2025; принята к публикации 18.09.2025.

The article was submitted 27.08.2025; approved after reviewing 18.09.2025; accepted for publication 18.09.2025.